

Письма М. А. Дмитриева А. П. и Ф. Н. Глиннамъ.

10 Февраля 1856 г. Богородское.

Почтеннѣйшія Федоръ Николаевичъ. Не знаю гдѣ вы, въ Твери ли или въ Петербургѣ, и потому пишу къ вамъ наудачу, боясь, что не дойдетъ до васъ мой пакетъ. Впервыхъ, позвольте, по пословицѣ: *miex vaut tard que jamais*, поздравить васъ и милостивую государыню Авдотью Павловну съ наступившимъ уже новымъ годомъ; дай Богъ вамъ отъ Подателя благъ всякаго блага; потомъ, дай Богъ и вамъ и намъ въ одно время возвратиться въ Москву, чтобы видѣться и бесѣдовать по прежнему. Этого я желаю уже, поэтому, для себя, хотя бы вамъ и не хотѣлось поселиться въ Москвѣ, которая васъ впрочемъ такъ много любитъ.

Позвольте преисповодить къ вамъ мои стихи на сдачу Севастополя и брошюрку объ Раичѣ, котораго и вы любили. Богъ привелъ меня писать объ немъ, столько потому, что я любилъ этого добраго человѣка, сколько и потому, что кто же о немъ вспомнить въ неблагогодарномъ и пошломъ нынѣшнемъ поколѣніи? Въ стихахъ моихъ я дозволилъ себѣ обращеніе къ Государю; въ другихъ, напечатанныхъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, опять къ нему же. Тридцать лѣтъ не хвалила моя Муза, но у меня всегда была склонность—не талантъ, а склонность—къ лирному. И потому

Хвалы мои ему примѣтя,
Не мни, чтобъ шапки иль бешмета
За нихъ я отъ него желалъ:
Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ.

Благодарю васъ за письмо ваше отъ 6 Сентября. Извините, что я не отвѣчалъ на него; не хотѣлъ васъ беспокоить, какъ бы опять вызывая отвѣтъ, хотя мнѣ всегда чрезвычайно пріятно и писать къ вамъ и получать отъ васъ письма. Слава Богу, никто изъ прежнихъ моихъ друзей и пріятелей не забылъ меня: всѣ ко мнѣ пишутъ, кромѣ великаго мужа Лихонина, и всѣ меня помнятъ; за то и я душевно люблю и помню кого привыкъ любить въ лучшее время моей жизни. Въ доказательство же, что васъ всегда люблю и помню, вотъ вамъ—длинное посланіе, написанное еще въ Октябрѣ прошедшаго года, слѣдовательно по полученіи письма вашего: я мысленно отвѣчалъ вамъ.

Въ Москвѣ, пишетъ мнѣ сынъ, производитъ фуроръ книга Серг. Тимоѣ. Аксакова. Онъ мнѣ прислалъ ее и требуетъ, чтобъ я сказалъ ему всю правду, потому что его родные не довольны его откровенностію. Вы меня знаете, я и скажу всю правду, или, какъ онъ требуетъ, голую правду: книга написана прекрасно, и слогъ прекрасный, и искусство разсказа. Но, со времени Confessions de Roussau не было еще такого примѣра, съ тою разницею, что Roussau говорить о себѣ, а тутъ—о дѣдѣ, о родныхъ и объ отцѣ. Такая книга могла появиться только въ нынѣшнее время. Въ журналахъ, какъ мнѣ извѣстно, готовится апоѳеозъ этой книгѣ; расхочется она ужасно быстро, и черезъ полгода. пишетъ авторъ, будетъ другое изданіе.

Вотъ у насъ и новый журналъ: „Русскій Вѣстникъ“. Читаете ли вы его? По первымъ книжкамъ нельзя еще ничего заключить вѣрнаго, но матеріаловъ будетъ много, ибо редакторъ платитъ хорошую цѣну. Подписчиковъ теперь же 2500. Въ немъ буду я печатать, по желанію редактора, всѣ сатиры Горация, по порядку, и съ обильными примѣчаніями, такъ чтобъ онѣ были, до послѣдней мелочи, понятны всякому, даже и не знающему Рима, его людей и обычаевъ. Можетъ быть, для ученыхъ многія примѣчанія покажутся и не нужными; но я ихъ писалъ для обыкновенныхъ читателей, если они будутъ, и для слушающихъ лекціи о Горации, для которыхъ они будутъ въ большую помощь при слушаніи Леонтьева. Я испыталъ уже это на одномъ студентѣ, которому сообщалъ нѣкоторыя въ рукописи, но отъ журналовъ и отъ публики, натурально, я не ожидаю большаго участія и успѣха.

Оду мою на восшествіе на престоль, какъ вы видѣли, можетъ быть, въ 6 № „Московскихъ Вѣдомостей“, я имѣлъ счастье поднести Государю и Еленѣ Павловнѣ, чрезъ единственнаго моего Петербургскаго

знакомаго, графа Блудова, съ которымъ я часто видался въ два его прѣзда въ Москву. Еленѣ Павловнѣ поднесъ и потому, что она не одинъ разъ удостоивала меня личнаго разговора и отзыва о стихахъ моихъ. Вы можете себѣ представить (вы знаете, что я и на свой счетъ откровененъ) вы можете, говорю, легко понять, что представить оду мою Государю мнѣ было, можетъ быть, нужнѣе, чѣмъ другому. Во первыхъ, мое увольненіе отъ службы, котораго я не стыжусь, но о которомъ могутъ быть разныя мнѣнія; во вторыхъ, толки, произведенныя этой одой въ Москвѣ. Видя, что объ этомъ поднесеніи никто не печатаетъ въ газетахъ, я по тѣмъ же причинамъ послалъ самъ въ „Московскія Вѣдомости“ самое скромное, официальное объ этомъ извѣстіе. Редакторъ очень былъ радъ напечатать, но цензура испугалась. Напрасно я доказывалъ, а priori, что никто не можетъ быть столько дерзокъ, чтобы наклепать на себя монаршее благоволеніе; напрасно доказывалъ, а posteriori подлиннымъ письмомъ статсъ-секретаря; напрасно писалъ я къ ректору Альфонскому и къ попечителю Назимову. Послѣдній по крайней мѣрѣ, хоть и отказалъ, но отвѣчалъ мнѣ учтиво; а Аркадій Алексѣевичъ, старый знакомый, не удостоилъ меня и отвѣта. „Nonnes mutant mores“, почести измѣняютъ нравы; это, признаюсь, мнѣ было досадно тѣмъ болѣе, что вы знаете— „irritabile genus vatium“ „стихотворцы народъ раздражительный“, и я долженъ былъ писать къ министру просвѣщенія! Министръ и отвѣчалъ, и разрѣшилъ. Мы сами другъ друга ѣдимъ, любезнѣйшій Ѳедоръ Николаевичъ; нечего намъ жаловаться на нѣчто высшее, когда мы сами никуда не годимся.

Жена моя поздравляетъ съ новымъ годомъ и васъ, и Авдотью Павловну. За симъ съ душевнымъ уваженіемъ и никогда неизмѣняемымъ, теплымъ о васъ и супругѣ вашей воспоминаніемъ, неразлучнымъ съ воспоминаніемъ моего хорошаго времени, навсегда остаюсь искренно вамъ преданный Мих. Дмитріевъ.

Вы позволите при семъ случаѣ поздравить васъ и съ наступающимъ днемъ именинъ вашихъ.

Мой адресъ просто: въ Сызрань.

*

Милостивая государыня Авдотья Павловна.

Приношу вамъ искреннюю, душевную мою благодарность за письмо ваше, отъ 21 Февраля и за присланную мнѣ вашу повѣсть: „Графиня Полина“. Благодарю васъ за нее въ двойнѣ: вопервыхъ, какъ знакъ вашей памяти обо мнѣ; а вовторыхъ, за литературное и мо-

ральное наслажденіе, доставленное мнѣ этимъ чтеніемъ. Ваша повѣсть есть не только хорошая книга, но и хорошій поступокъ. Если бы вы не сами ея издавали, если бы я былъ ея издателемъ, я бы, безъ вашего вѣдома, поставилъ къ ней эпиграфомъ извѣстный стихъ: „La mère en prescrivit la lecture à sa fille“, и потому, прочитавши вашу книгу, извините Французскую фразу *je n'avais rien de plus pressé que de la faire lire par ma fille*. Дай Богъ, чтобъ вы намъ дали болѣе и болѣе повѣстей въ такомъ разумномъ и христіанскомъ духѣ, и столько же занимательныхъ, и такъ же хорошо написанныхъ. Я вашу „Полину“ прочиталъ какъ получилъ съ почты, въ тотъ же день и однимъ духомъ: началъ въ 7 часовъ вечера и кончилъ въ 11. Это значить, что не могъ оторваться отъ чтенія. На другой же день она перешла къ женѣ и дочери.

Чрезвычайно утѣшительно для меня видѣть, что есть еще люди, которые идутъ противъ всеувлекающаго потока. Но ихъ немного! Чтò это за тайная сила, которая насъ такъ и тянетъ за Европой? Въ концѣ 18 вѣка было въ Европѣ вольтеріанство, и у насъ безбожіе и насмѣшки надъ религіей почитались признакомъ высшаго ума. Послѣ 1815 года въ Европѣ библейскія общества, мистицизмъ, и у насъ тоже; тамъ завелся комунизмъ, социализмъ, и у насъ явились послѣдователи. Въ Европѣ стали ставить зеркала по угламъ да диванъ посерединѣ комнаты, и у насъ давай перестанавливать мебель съ мѣста на мѣсто. Чтò это за власть, чтò это за сила—Европа? Насъ не исправилъ 1812 годъ; не исправить и Крымъ съ своимъ святымъ Севастополемъ. Мы будемъ, и непременно будемъ, поклонниками и данниками морскихъ разбойниковъ Англичанъ, подчиненными и раздражателями Французовъ и искренними другими друзьями подлецовъ Австрійцевъ.

А знаете-ли вы, что ваша повѣсть возбудила во мнѣ, между прочимъ, горькое воспоминаніе. Я вспомнилъ, что мнѣ рассказывалъ ея содержаніе Александръ Павловичъ Протасовъ, которому вы читали ее въ рукописи. И этого человѣка нѣтъ уже на свѣтѣ! Вообразите, что я такъ недавно получилъ отъ него письмо на четырехъ страницахъ, письмо и дѣльное, и шутовое, на которое я даже не успѣлъ еще отвѣчать ему. Вотъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ не узнать у насъ въ Россіи. Онъ былъ смиренъ и скромнъ: кому нужна отыскивать подъ этимъ достоинство? Онъ былъ страненъ, а у насъ наружное затмѣваетъ всю внутреннюю цѣну. Сила и обстановка—вотъ у насъ два права на уваженіе, но за то на какое уваженіе! Почти на

поклоненіе; ибо у насъ между поклоненія и пренебреженія нѣтъ середины. Но я зналъ его, какъ человѣка, и какъ сенатора. Онъ былъ истинный христіанинъ, чистой души, и исполнявшій всѣ постановленія церкви; а въ Сенатѣ не было человѣка дѣльнѣе и справедливѣе его. Вы знаете, что онъ былъ робокъ, почителенъ и до крайности остороженъ. Но стоять за правду—онъ былъ первый. Тутъ онъ побѣждалъ свою трусость, свое уваженіе къ высшимъ и сильнымъ лицамъ, и помнилъ только свою душу. Откуда бралась у него смѣлость, нельзя было надивиться. Онъ, бывало, вставши съ кресель и кланяясь низко, говорилъ сенаторамъ: „Ваши превосходительства. Если бы у меня было двѣ души, то съ тѣмъ уваженіемъ, которое я къ вамъ питаю, я конечно готовъ бы вамъ одною пожертвовать; но у меня только одна и есть; приду на тотъ свѣтъ, спросятъ: гдѣ душа? А я ее вамъ отдалъ! И потому извините, никакъ не могу съ вами согласиться“. Сынъ мой былъ на его похоронахъ; изъ всего Сената былъ одинъ Рюминъ. Но за то люди его, которыхъ вы знаете, онъ давно всѣхъ отпустилъ на волю, были въ отчаяніи и рыдали неутѣшно. Для меня лишеніе Александра Павловича есть душевная, большая потеря. Онъ очень любилъ Федора Николаевича, и всегда бывало начинаетъ говорить объ немъ такъ: „добрый нашъ Глинка“. Жаль мнѣ Алекс. Павл. и вѣчная память этому доброму человѣку!

Кончивши мою карьеру и живя въ забытіи, я, мнѣ кажется, остаюсь на свѣтъ, чтобы поминать умирающихъ авторовъ и добрыхъ знакомыхъ. У меня въ селѣ двѣ церкви и два священника; я заказывалъ поминовеніе и по Жуковскомъ, и по Гоголѣ; теперь будетъ по Раичѣ и по Алекс. Павл. Это, я думаю, полезнѣе, чѣмъ поминать ихъ въ газетахъ; но я написалъ бы и объ Алекс. Павл., если бы имѣлъ хоть послужной его списокъ, но у насъ гдѣ достанешь? Все трудно и затруднительно!

Извините, что я не скоро отвѣчаю на письмо ваше, не зная вашего Петербургскаго адреса, и почти двѣ недѣли думалъ куда его адресовать, наконецъ рѣшилъ послать это письмо къ моему сыну, чтобы онъ узналъ вашу адресъ и отправилъ. И потому не удивитесь, что вы получаете это письмо изъ Москвы. Извините также, что оно длинно; хотѣлось съ вами наговориться. Ваши слова о Петербургѣ меня разшевелили: я почти увѣренъ, что я тамъ нашелъ бы кругъ, въ которомъ мнѣ было бы хорошо и просторно. Люблю Москву, люблю добрыхъ моихъ знакомыхъ, какихъ мнѣ наживать вновь уже поздно; но въ ея кружкахъ много чего-то капризнаго, такъ что надо иногда

лавировать, чтобы не наткнуться на какое нибудь неожиданное, а иногда и дикое мнѣніе. Но—съ моимъ состояніемъ и съ большой семьей—и въ Москву насилу попадешь!

Читаете-ли вы „Московскія Вѣдомости“. Тамъ у насъ ораторы говорятъ спичи, а дамы пьютъ сивуху. Русской духъ, виѣсть съ Англійскимъ!

Прошу васъ сказать мое душевное и искреннее почтеніе Федору Николаевичу. Нельзя ли теперь напечатать ему „Іова“ и „Божественную каплю“? Говорятъ, что въ цензурѣ началась оттепель. Жена моя благодаритъ васъ за воспоминаніе и свидѣтельствуетъ вамъ также свое почтеніе.

За симъ съ совершеннымъ уваженіемъ и неизмѣнною преданностію имѣю честь быть вашимъ, милостивая государыня, покорнымъ слугою
Мих. Дмитриевъ.

19 Марта 1856 г.

С. Богородское.

*

Милостивая государыня Авдотья Павловна.

Извините, что я такъ долго замедлилъ отвѣтомъ на почтеннѣйшее письмо ваше отъ 15 Мая. Нѣсколько времени нездоровья сдѣлали меня невольнo передъ вами виноватымъ. Позвольте принести вамъ теперь искреннюю и душевную мою благодарность, и за письмо, и за присланныя вами двѣ ваши книжки, а также и за статью Н. И. Греча.

Новая повѣсть написана мастерски, расположена прекрасно и исполнена художнически: въ ней цѣлость идеи, соотвѣтственность частей и живость въ исполненіи. Въ ней нѣтъ собственно того, чего ищутъ въ повѣстяхъ читатели, любопытствующіе однихъ происшествій; но въ ней другой интересъ, высшаго разряда, для всѣхъ могущихъ и хотящихъ понять его: это вѣрное зеркало нынѣшнихъ идей нѣкотораго круга; это увлекательность правды, никѣмъ еще необнаруженной и представленной вами точно и вѣрно. Всѣ лица, какъ будто всякой ихъ знаетъ! Вотъ какъ должна изображать литература правду жизни и общество, а не копируя, какъ натуральная школа. И вотъ что называется въ литературѣ современностью идеи и цѣли, безъ всякихъ прямыхъ поученій, заключающая въ себѣ прямоту и пользу.

Съ тѣхъ поръ, какъ у насъ начали кричать объ убѣжденіи, о направленіи, и проч., вы однѣ рѣшили сказать всю истину о томъ

вредномъ направленіи нашихъ гуманистовъ и просвѣтителей, о котормъ никто ни слова, какъ будто бы его и не было: одни молчатъ потому, что дѣйствительно его не замѣчаютъ; другіе по равнодушію; третьи потому, что боятся партій, которыя, имѣя въ рукахъ своихъ журналы, однѣ имѣютъ голосъ. А я узналъ въ словахъ Леонида даже нѣкоторыя журнальныя фразы, напримѣръ о нашихъ прежнихъ писателяхъ; не говоря уже о его варварской фразеологіи, цѣликомъ взятой изъ языка журнальныхъ просвѣтителей. Вы однѣ не побоялись выставить весь вредъ и всю нелѣпость той гуманности, которая просто мѣттить на демагогію. Для умѣющихъ понимать, это ясно! Просто скажу, что повѣсть ваша: „Леонидъ“, дѣлаетъ вамъ великую честь, какъ писательницѣ, показавшей много духа, много смѣлости и гораздо болѣе просвѣщенной любви къ Россіи, чѣмъ всѣ тѣ, которые кричатъ и пишутъ о ней въ какомъ-то остервененіи мнимыхъ убѣжденій. Вы съ „Леонидомъ“ пробились морально сквозъ новыя Феропилы!

Увидѣвъ изъ письма вашего, какъ „Полина“ принята была журналами, я, признаюсь, вышелъ изъ себя отъ такого отзыва. Нынѣшній годъ я не получаю „Современника“; а отъ „Петербургскихъ Вѣдомостей“ отказался давно: онѣ волнуютъ мою правдолюбивую душу, а я на старости хочу быть покоенъ. Но вообразите же, какъ далеко идетъ у насъ зло въ литературѣ! вмѣстѣ съ вашимъ письмомъ я получилъ *Le Nord* и вижу тамъ въ 141 №, что Петербургской корреспондентъ рассказываетъ все содержаніе критики „С. П. Вѣдомостей“, какъ мнѣніе журнала, имѣющаго наибольшее число подписчиковъ. А онъ и не знаетъ того, что у насъ больше всего подписчиковъ на газеты, не потому что онѣ выражаютъ мнѣніе публики, а потому что тамъ объявленія о продажѣ икры, и что это большинство подписчиковъ состоитъ изъ лавочниковъ! Такъ знаютъ Россію корреспонденты иностранныхъ журналовъ, и такова участь нашей литературы. Какойнибудь социалистъ напишетъ статейку, какойнибудь корреспондентъ иностранной газеты, вѣроятно, иностранецъ же незнающій по русски и не читавшій книги, повторитъ эту статейку, потому что надобно же чтонибудь написать, получая за это деньги, и это расходится по Европѣ! Объявленія иностранныхъ сочиненій это было бы невозможно, потому что всякой самъ прочитаетъ книгу. О литературѣ Датчанъ, Шведовъ, покрайней мѣрѣ ничего не пишутъ: это все-таки лучше; а объ насъ даютъ извѣстія, какъ объ какихъ-то рѣдкихъ птицахъ, которыхъ Европа сама не видала: слѣдовательно, что хочешь напиши! Стоило бы комунибудь изъ людей благонамѣренныхъ написать въ *Le Nord* и предостеречь его отъ литературныхъ извѣстій его корреспондента, не знаю-

щаго порусски и не читающаго Русскихъ книгъ, а потомъ стоило бы и обнаружить наши литературныя шайки, пишущія изъ своихъ видовъ, и совсѣмъ не литературныхъ. Критика „С. П. Вѣдом.“ на вашу „Полину“, думаю я, обращена совсѣмъ не на литературное произведеніе, а на благородный тонъ, на аристократическое начало въ обычаяхъ и нравахъ, хотя вы и не одобряете ихъ пустоты и безсмысленнаго свѣтскаго блеска; главное же, она обращена на нравственное начало чистоты и на строгость основаній, которыя, очевидно, вы кладете первымъ основаніемъ общественной жизни и ея счастья.

Замѣтки Н. И. Греча правдивы, прекрасны, сильны и благородно высказаны. Вотъ что стоило бы довести до свѣдѣнія иностранцевъ! И право, это доброе дѣло лежитъ на обязанности Греча. Онъ не чужой „Сѣверной Пчелѣ“; Сѣверная Пчела первая возвѣстила о газетѣ *Le Nord*, съ ожиданіями, подающими большія надежды; а *Le Nord* сколько разъ уже писалъ противъ Сѣверной Пчелы и въ защиту безграмотнаго и криводушнаго фельетона. Весь тотъ періодъ брошюры, въ которомъ находится *poblesse oblige*, возвышаетъ до прекрасной ораторской апологіи! А рассказъ молодаго литератора, кажется, такъ обнаруживаетъ всю подноготную нашей критики, что не оставалось бы ничего прибавить для вразумленія нашихъ Русскихъ благосклонныхъ читателей, если бы они понимали нашу литературу и смотрѣли на нее не такъ, какъ на препровожденіе времени, между сигарой и картами. Жалкая наша литература, да хороши и читатели! Я имѣю причины однако надѣяться, что въ Москвѣ не оставятъ вашей „Полины“, не отдавши ей должной справедливости и правосуднаго отзыва. Еще болѣе мнѣ бы хотѣлось, чтобы благонамѣренный критикъ выставилъ въ ясномъ свѣтѣ идею вашего „Леонида“; но какой журналъ согласится помѣстить объ этомъ всю правду?

Если у насъ будетъ когда нибудь полная и отчетливая исторія нашей литературы, которая скажетъ о духѣ нашего времени, о духѣ тайныхъ и явныхъ партій, о причинахъ демократическаго направленія нѣкоторыхъ людей и о вредномъ отраженіи его въ словесности: тогда она должна будетъ выставить и вашего „Леонида“, какъ противодѣйствующую сторону, въ доказательство, что и въ наше время были люди честнаго и прямого направленія, которые видѣли ясно въ этомъ омутѣ.

Нынѣшняя наша литература представляетъ что-то странное и нигдѣ не бывалое: она вся состоитъ, съ одной стороны, изъ какихъ-то фокусниковъ, съ другой изъ какихъ-то *badeaux*; а изъ за нихъ

не видать ни серьезныхъ талантовъ, ни серьезныхъ читателей. Въ столичныхъ газетахъ поднимають къ небу какихъ нибудь своихъ любимыхъ мастеровъ (лучше назвать не умѣю), а тамъ и видишь въ губернскихъ газетахъ спичъ какого нибудь учителя гимназіи, который тоже кричить о великихъ людяхъ: отъ Жуковскаго до Аксакова, отъ Пушкина до Островскаго! Это было недавно въ Ярославльскихъ газетахъ и повторено въ Московскихъ. Но это повѣтріе безсмыслія у насъ не въ одной литературѣ, а во всемъ. Въ 25 № „Земледѣльческой Газеты“ напечатано вотъ что: „Смѣйтесь сколько вамъ угодно, но по моему надобно добиться до такихъ семейныхъ отношеній, чтобъ крестьянинъ считалъ большимъ удовольствіемъ поцѣловать руку своей жены“. „Добейтесь до установленія такихъ учтивыхъ, нѣжныхъ отношеній между мужикомъ и бабою, все пойдетъ иначе“. А между тѣмъ, въ той же статьѣ, въ 24 №, эта баба, у которой совѣтуютъ цѣловать руку, изображена вотъ какъ: „Но что-то пыхтитъ близко васъ и ворчитъ въ досадѣ; это пыхтящее существо есть безобразная чучела, безобразно, грязно одѣтая, которая развалилась на печи, на полатяхъ или на скамьѣ, не помышляя о томъ, благопристойна или нѣтъ ея артистическая поза. Это существо—баба“. Какъ-же, все это вмѣстѣ, не безуміе? Надъ земледѣльческими совѣтами, хорошо еще, что хозяйева смѣются; но литературныхъ мнѣній большая часть читателей не разберутъ сами, и потому вѣрять печатному на слово. Такъ журналы воспитываютъ у насъ поколѣніе, сводятъ съ ума молодыхъ, наводятъ туманъ на стариковъ, истребляютъ естественныя здравыя понятія и дѣлаютъ всеобщій вредъ вмѣсто пользы. У насъ и въ старину, и въ наше время просвѣщали публику не идеи, не науки, а литература: она сдѣлала вкусъ нашъ мягче, понятія чище, благороднѣе. Къ намъ, уже воспитаннымъ литературою, поэтами, началъ приставать наука. А теперь, сбивши съ толку всѣ понятія, приучивши умъ къ хаосу, хотятъ погрузить насъ загрузбѣлыхъ, опошлившихся, въ темную бездну понятій ученыхъ, требующихъ ясности ума и благородства духа! Къ чему поведетъ это?

Извините длинное письмо мое. Свидѣтельствую мое глубочайшее почтеніе Федору Николаевичу. Съ такимъ же уваженіемъ и искренною преданностію имѣю честь быть вашимъ, милостивая государыня, покорнѣйшимъ слугою Мих. Дмитріевъ.

2 Юля 1856 г.

С. Богородское.

Михаилъ Андреевичъ Дмитріевъ, племянникъ Ивана Ивановича, сынъ младшаго его брата Александра Ивановича и дочери одного изъ губернаторовъ Сибири, Шведа по происхожденію. Что-то Шведское, стойкое и было въ Михаилѣ Александровичѣ. Онъ во всемъ былъ самостоятеленъ и неуклоненъ. По своей вѣрности къ тому, что почиталъ онъ за истину, покинулъ онъ видную должность въ Министерствѣ Юстиціи и предался исключительно занятіямъ словесностью. Его переводы Латинскихъ поэтовъ своего рода образцовые, его книга „Мелочи изъ запаса моей памяти“ никогда не утратитъ цѣны своей въ исторіи нашей письменности и образованія. Книгу его собственныхъ стихотвореній читаешь, поучаясь искусству языка и своеобразности мысли. Къ дядѣ своему, другу Карамзина и послѣдователю Карамзинскаго романтическаго направленія, оставался онъ холоденъ, будучи такъ называемымъ классикомъ и тѣмъ давъ поводъ князю Вяземскому прозвать его лже-Дмитріевымъ. Соболевскому принадлежатъ стихи про него:

Михаилъ Дмитріевъ помере.
Онъ былъ чиновникъ въ пятомъ классѣ,
Былъ камеръ-юнкеръ при дворѣ
И камеръ-диверъ на Парнасѣ.

Стихи разнеслись, а Дмитріевъ сталъ говорить, что сочинитель не озвѣдомился даже, въ какомъ онъ чинѣ. Тогда Соболевскій добавилъ:

Такъ, я въ твоёмъ ошибся классѣ;
Но вѣрно въ томъ не ошибусь,
Что ты посуда на Парнасѣ,
Плевальница для Музъ!

Прошли года. Дмитріевъ жилъ въ Москвѣ, когда князь Вяземскій навѣстилъ его, и для прочтенія Императрицы Маріи Александровны получилъ отъ него въ рукописи Записки его дяди. Когда зашла рѣчь объ печатаньи этихъ Записокъ, Дмитріевъ настоялъ, чтобы тогдашней придирчивой цензурѣ приказано было не вымарывать ни одного слова, что и было сдѣлано.

Дмитріевъ былъ другомъ Лабзина, до конца жизни остался вѣренъ его направленію и отъ того пользовался вниманіемъ митрополита Филарета, нѣкогда бывшаго въ сношеніяхъ съ Лабзинымъ („Угрозомъ Свѣтостокомъ“).

Товарищъ Дмитріева по Университетскому благородному пансіону Н. В. Сушковъ хвастался передъ нимъ своей близостью къ митрополиту Филарету.

Что это, говорилъ ему Дмитріевъ, я, какъ ни поѣду на Троицкое подворье, владыка то занять, то отдыхаетъ, а тебя всякій разъ принимаетъ. Ужъ не съ дѣвичьяго ль крыльца ты къ нему ходишь?

По кончинѣ Филарета М. Н. Лонгиновъ въ уста Сушкова вложилъ такіе стихи:

Могу сказать вамъ по секрету,
 Что былъ я тѣломъ и душой
 Всецѣло предашь Филарету
 И на подворьи былъ какъ свой.
 Дружнѣй мы были годъ отъ году,
 И навѣщаль я мудреца
 Не то чтобъ съ дальняго проходу,
 А такъ, съ дѣвичьяго крыльца.

Къ концу жизни Дмитріева навѣщаль я его чуть не ежедневно (на Садовой, противъ Полтавскихъ бань). До послѣдняго дня былъ онъ бодръ и чутили не наканунѣ смерти написалъ карандашемъ на мраморной дощечкѣ стихи про Н. В. Сушкова, которые мнѣ показывалъ; изъ нихъ вспоминаю:

„Восхвалимъ истину отъ нынѣ и до вѣка.
 На свѣтѣ не было пустѣе человѣка“...

Бесѣда Дмитріева была очень мнѣ дорога, и меня влекло къ нему близкое знакомство его съ произведеніями Латинской классической словесности, это своеобразное, словно изваянное, изящество ея, которое на старцѣ-писателѣ отражалось. Дмитріевъ одаренъ былъ талантомъ сатирическимъ (который унаслѣдованъ однимъ изъ его сыновей) и умѣлъ не шадить своихъ противниковъ. Въ особенности доставалось отъ него братьямъ Полевымъ и Бѣлинскому, къ портрету котораго сочинилъ онъ злую надпись. Эпиграммы Дмитріева ходили безъ печати; у него былъ ихъ цѣлый сборникъ, и рукопись эту онъ давалъ читать М. Н. Лонгинову (которому сотрудничалъ въ сочиненіи извѣстной книги его „Новиковъ и Московскіе мартинисты“. Пора этому сборнику выйти на свѣтъ Божій). По кончинѣ Дмитріева появился въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ написанный мною его некрологъ, и вскорѣ послѣ того митрополитъ Филаретъ выразилъ Сушкову желаніе меня видѣть; въ другомъ мѣстѣ я разсказалъ о моихъ бесѣдахъ съ нимъ.

*

Супруги Глинки не были мнѣ знакомы, такъ какъ я началъ появляться въ печати уже послѣ того, какъ они покинули свой Московскій домъ у Красныхъ воротъ и переселились въ Тверь. Они были бездѣтны, а жили въ полномъ супружескомъ счастьѣ. Ѳ. Н. Глинка писалъ про себя и супругу свою:

Мы съ тобою, какъ два тома
 Или книга въ двухъ частяхъ;
 Оттого всегда намъ дѣла
 Веселѣе, чѣмъ въ гостяхъ.
 Пусть того постигнутъ громы,
 Поразить его во прахъ,
 Кто разрознить эти томы,
 Эту книгу въ двухъ частяхъ.

Къ Авдотѣ Павловнѣ Глинкѣ художникъ Е. А. Мамоновъ написалъ шуточный акаѳистъ, изъ котораго сохранились въ нашей памяти стихи:

Радуйся, сѣдыхъ кудрей ношеніе,
 Радуйся, Запада ненавидѣніе,
 Радуйся, Гегеля проклинаніе,
 Радуйся, Глинка преполовеніе!

Ө. Н. Глинка заподозрѣнъ былъ въ сочувствіи къ Декабристамъ, и даже послали его на нѣкоторое время въ ссылку въ Орловскую губернію. Будучи нѣкогда правителемъ канцеляріи Петербургскаго генераль-губернатора графа Милорадовича, Глинка, по высылкѣ Пушкина изъ Петербурга, печатно выразилъ ему свое сочувствіе, на которое тотъ отвѣчалъ чудесными стихами: „Когда средь оргій жизни шумной...“, а черезъ нѣсколько лѣтъ Пушкинъ надсмѣялся надъ нимъ въ стихахъ, посланныхъ князю Вяземскому, который напечаталъ ихъ въ „Русскомъ Архивѣ“ съ переменною вмѣсто „Өита-поэтъ, кутейникъ въ эполетахъ“, „Поэтъ-Глаголь, кутейникъ въ эполетахъ“. Глинка издавна перекладывалъ въ стихи псалмы Давидовы. Нѣкоторыя изъ благочестивыхъ его стихотвореній удачны (какъ напр. „Завтра, завтра въ домъ Закхея Гость Таинственный придетъ“...), но позднѣе Глинка вдался въ поэзію мистическую и написалъ поэму „Таинственная капля“ (это капли млека Пресвятой Богородицы), очень немногимъ извѣстную, такъ какъ она была задержана духовною цензурою. Князь Вяземскій рассказывалъ, что, ѣдучи съ Государемъ и Государыней изъ Петербурга по Николаевской ж. д., на станціи въ Твери, увидавъ въ многочисленной народной толпѣ Глинку, онъ поспѣшилъ извлечь изъ моря народнаго эту каплю и поднесъ ее Государынѣ Императрицѣ. Надо замѣтить, что Глинка былъ необыкновенно малаго роста. Онъ скончался въ Твери въ глубочайшей старости, такъ что его еще при жизни звали въ печати покойникомъ. Судьбою и нравомъ не походилъ онъ на брата своего, тоже дѣятеля двѣнадцатаго года. издателя „Русскаго Вѣстника“ и сочинителя любопытнѣйшихъ Записокъ.

Романсъ Ө. Н. Глинка: „Вотъ мчится тройка удалая“ сдѣлался общенароднымъ; кажется и теперь еще поютъ его. П. Б.

*

A. Gratieux. Un poète' slavophile. A. S. Khomiakof. 1804—1860.

Extrait de la Revue de l'Institut Catholique de Paris. 1909. Librairie V-ve Charles Poussielgue. Rue Cassette 15. Paris. 8-ка, 32 стр.

Мы обрадованы появленіемъ въ свѣтъ этой брошюры по ея сочувственному отношенію къ нашему Алексѣю Степановичу. Г. Грасьѣ опровергаетъ превратное мнѣніе о Славянофилахъ.